

Время бежало стремительно — не успели оглянуться, как отшумел Праздник фонарей. До заветного дня, когда Ань Цзыяню и Чоу Хуайшэну надлежало отправиться в совместное путешествие, оставались считанные дни. Именно в это утро лавочник из ювелирной мастерской прислал готовые украшения из теплой яшмы. Стоило Ань Цзыяню принять драгоценные подвески, как он ощутил ладонями исходившее от камня мягкое, живое тепло. Не оставалось сомнений: яшма была чистейшей воды и редчайшего качества.

Зажав подвески в ладони, наследник поспешил к сокровищнице, надеясь отыскать своего папу. Фэн Бэйцэ действительно оказался там — вместе с Ань Цзыпином и госпожой Лю он занимался проверкой и пересчетом семейного имущества.

— Папа, ты и впрямь здесь! — воскликнул Ань Цзыянь, переступив порог.

На самом деле он лишь предполагал, что найдет папу в сокровищнице, но догадка оказалась верной.

— Что-то случилось? — Фэн Бэйцэ отложил в сторону свиток, который держал в руках.

Ань Цзыпин тут же подобрал его и принялся делать пометки в приходной книге.

— Помнишь ту теплую яшму, которую мы отыскиали в лавке необработанных камней накануне Нового года? — с улыбкой заговорил Ань Цзыянь, бережно доставая из широкого рукава изящную шкатулку. — Я отдал её ювелиру, чтобы тот выточил подвески. Брат Хуайшэн говорил, что этот камень целебен и очень полезен для здоровья. Взгляни, папа, тебе нравится?

С этими словами юноша открыл обитую шелком крышку, являя взору отца великолепную работу мастера.

Фэн Бэйцэ изумленно замер. Спустя мгновение он осторожно вынул подвеску. Камень поистине оправдывал свое название: вопреки зимней стуже, он хранил мягкое, живое тепло и совершенно не походил на обычный, обжигающий ледяным холодом нефрит. Стоило Фэн Бэйцэ сжать украшение в ладони, как его вечно зябнувшие пальцы начали медленно согреваться.

— Какая тонкая работа... Спасибо тебе, дитя мое, мне очень нравится, — растроганно произнес Фэн Бэйцэ. — Но если ты отдаешь эту яшму мне, то как же ты сам?

Он прекрасно знал, что здоровье старшего сына куда слабее его собственного. Хотя за последние годы благодаря заботам Ань Шаоциня и бесчисленным целебным снадобьям Ань Цзыянь окреп и восполнил жизненные силы, зимой его руки и ноги по-прежнему леденели. И все же это было несравнимо с тем болезненным состоянием, в котором юноша находился прежде.

— Не беспокойся, папа, у меня есть еще одна! — Ань Цзыянь с заговорщицким видом выудил из кармана точно такую же подвеску, демонстрируя ее отцу.

Разумеется, он умолчал о том, что мастер изготовил три украшения, и первое уже давно покоилось на груди Чоу Хуайшэна.

— Что ж, тогда я приму твой подарок, — улыбнулся Фэн Бэйцэ и уже потянулся, чтобы убрать теплую яшму обратно в шкатулку, но сын мягко перехватил его руку.

— Позволь, я сам надену ее на тебя, папа. Говорят, благородный камень питает душу человека, а тепло тела пробуждает его скрытую силу.

— И то верно, — поддержал брата Ань Цзыпин, отвлекаясь от записей. — Пусть брат наденет ее прямо сейчас. К чему прятать такое сокровище в темноте ларца?

Фэн Бэйцэ ласково посмотрел на сыновей, переглядывающихся с хитрыми улыбками, и со вздохом сдался:

— Хорошо-хорошо, надевай.

С этими словами он слегка наклонился. Из-за слабого с детства здоровья Ань Цзыянь рос медленно и уступал в росте большинству сверстников, да и собственному родителю.

Довольно улыбнувшись, Ань Цзыянь зашел отцу за спину. Он бережно надел шнурок с подвеской ему на шею, примерил нужную длину и аккуратно завязал прочный узел.

— Папа, брат, ну-ка дайте и мне взглянуть! — с любопытством попросил Ань Цзыпин.

Он не раз слышал о чудесных свойствах теплой яшмы, но видеть ее воочию ему еще не доводилось. Подобная редкость ценилась на вес золота. Почти все подобные находки отправлялись напрямую в императорскую казну в качестве дани, откуда владыка Поднебесной жаловал их лишь самым верным министрам да любимым наложницам. Даже во дворце этот камень оставался бесценным дефицитом, что уж говорить о мирских просторах за пределами запретных стен.

— Осторожнее, не вырони, — шутливо предостерег Ань Цзыянь.

Младший брат лишь хмыкнул и бережно взял в ладонь висевшую на груди отца подвеску. Он тут же ощутил исходящее от камня тепло.

— Поразительно! — восхитился он. — Столько времени пробывать на воздухе и не остыть ни на мгновение... А какая тонкая резьба! Истинное совершенство формы и сути.

— Ну полно, подивился и хватит, — смеясь, прервал его Ань Цзыянь. — Спрячь ее под одежду, папа.

Фэн Бэйцэ послушно спрятал подвеску под верхнее платье. Прикосновение теплого камня к груди отозвалось приятной негой. Этот бесхитростный подарок глубоко тронул его сердце.

— Ну а теперь не стану вам мешать, продолжайте проверку, — проговорил Ань Цзыянь и, не дожидаясь ответа, поспешил выскользнуть из сокровищницы.

Всего из куска яшмы выточили три подвески: одну он преподнес папе, вторую оставил себе, а третью уже успел вручить Чоу Хуайшэну.

Наследник неторопливо брел по тенистым аллеям поместья. За долгие годы, проведенные в этих стенах, он, по правде говоря, ни разу по-настоящему не осматривал свои владения. И теперь, накануне долгого отъезда, им овладело внезапное желание составить компанию самому себе и изучить каждый потаенный уголок родного дома.

В глубине поместья принца-регента раскинулся просторный тенистый сад. В раннем детстве Ань Цзыянь, его младший брат Ань Цзыпин и дядя Лан Сычжоу часами резвились здесь, оглашая окрестности звонким смехом. Но затем нагрянул недуг. Болезнь заперла мальчика в четырех стенах его собственного дворика, лишив возможности делить забавы с близкими.

Лишь в редкие дни облегчения ему позволялось ненадолго выйти на свежий воздух. Но, видя издали, как брат с дядей увлеченно играют в догонялки, Ань Цзыянь чувствовал себя бесконечно чужим на этом празднике жизни. Сад казался ему недостижимым, враждебным миром. С тех пор он старался обходить его стороной. Юноша решался приходить сюда лишь тогда, когда знал наверняка: в саду никого нет. Одинок бродя среди кустов, он воскрешал в памяти те беззаботные времена, когда тело его было полно сил. С грустной улыбкой он подмечал перемены: какие увядшие цветы сменились новыми бутонами, где садовник посадил молодое деревце... Каждый визит открывал ему новые, едва заметные штрихи в облике этого места.

Незаметно для самого себя Ань Цзыянь забрел в сухую галерею. По одну сторону от нее тянулись ухоженные клумбы, по другую — дремала зеркальная гладь пруда. Вдоль галереи тянулись изящные деревянные скамьи, предназначенные для отдыха и созерцания природы. В прозрачной воде лениво скользили пестрые, отливающие золотом и багрянцем парчовые карпы.

Заметив на балюстраде чашу с кормом, юноша потянулся к ней, зачерпнул горсть сухих крошек и бросил в воду. Вода мгновенно вскипела: со всех сторон к месту падения корма устремились голодные рыбы, расталкивая друг друга в отчаянной борьбе за лакомство. Вскоре угощение иссякло, и сытая стайка медленно рассеялась по глубинам, оставив лишь пару сонных карпов кружить у самой поверхности.

Юноша весело улыбнулся и бросил еще щепотку. Он забавлялся так некоторое время, однако

однообразная игра быстро наскучила. Поставив чашу на прежнее место, Ань Цзыянь облокотился на перила и тяжело, тоскливо вздохнул.

Он уныло огляделся по сторонам. Раньше одиночество его не тяготило — он умел находить покой наедине с собой. Но теперь, лишенный привычного общества дорогого человека, он чувствовал, как любое занятие теряет всякий смысл. Отец-ван еще не вернулся из императорского дворца с утренней аудиенции. Папа и младший брат были с головой погружены в дела сокровищницы. А Чоу Хуайшэн ушел в город как раз в тот момент, когда сам Ань Цзыянь отправился на поиски отца. Хуайшэн обмолвился, что нужно докупить кое-какие припасы для предстоящей дороги. Наследник порывался пойти вместе с ним, но мужчина наотрез отказался брать его с собой, сославшись на пронизывающий зимний ветер.

В этот момент по галерее проходил Мо Линь. Заметив бесцельно стоящего юношу, он замедлил шаг.

— Ваше Высочество, почему вы здесь в одиночестве? — вежливо поинтересовался Мо Линь.

Он только что вернулся в поместье и не ожидал застать молодого господина одного.

— Любуюсь зимним садом, — отозвался Ань Цзыянь, указывая рукой вдаль. — Посмотри, как пышно расцвели сливы. И алые, и кипенно-белые, и лимонно-желтые, и нежно-розовые...

Только сейчас юноша обратил внимание, как много сливовых деревьев росло на территории поместья. Странно, почему он не замечал этого великолепия раньше?

Мо Линь устремил взор на колышущиеся от ветра ветви и мягко улыбнулся:

— Эти деревья в свое время велел высадить принц-регент — специально для вашего папы. Его Высочество принцесса-консорт чрезвычайно любит сливу.

Глядя на заснеженную рощу, Мо Линь невольно предался воспоминаниям. Пред его мысленным взором предстала картина многолетней давности: молодой Фэн Бэйцэ играет на цине под сенью осыпающихся лепестков. В те далекие годы юный Мо Линь питал к господину робкую, безответную любовь. Но время течет бесстрастно. Мир изменился, старые деревья сменились новыми, а бывшее юношеское увлечение в его собственном сердце давно уступило место совсем другому, куда более глубокому и властному чувству.

— Чувства отца и папы поистине глубоки, — негромко произнес Ань Цзыянь.

Втайне он задавался вопросом: суждено ли им с Чоу Хуайшэном обрести подобную гармонию? И хотя Хуайшэн ответил согласием на его чувства и признал их союз, душу наследника все равно точило смутное, необъяснимое беспокойство, истинную причину которого он никак не мог нащупать.

— Уверен, ваши отношения с господином Чоу со временем станут столь же крепкими, — ободряюще произнес Мо Линь.

— Надеюсь, — грустно улыбнулся юноша. — К слову, а где прячется Чжао Цянь? Вы ведь обычно повсюду ходите парой, водой не разлить.

— Кхм... — Мо Линь неловко кашлянул и отвел взгляд. — Он... отправился выполнять поручение принца-регента. Вернется нескоро.

Ань Цзыянь прекрасно понял, что гвардеец лукавит, но выводить его на чистую воду не стал. Наверняка прошлой ночью Чжао Цянь опять зашел слишком далеко в своих ласках и неслабо обидел партнера, отчего упрямый Мо Линь теперь наотрез отказывался с ним разговаривать. Подобные размолвки случались между ними с завидным постоянством, едва ли не дважды в месяц, и вся прислуга в поместье уже привыкла к этим безмолвным драмам.

— Ба, Чжао Цянь! — вдруг воскликнул Ань Цзыянь, глядя куда-то за спину собеседника. — А ты как здесь оказался?

— Где? Где он?! — Мо Линь испуганно обернулся, но позади никого не обнаружил.

Поняв, что его самым бессовестным образом разыграли, воин густо покраснел. Наследник же, укрыв лицо широким шелковым рукавом, тихо и заливисто рассмеялся, явно довольный своей проказой.

— Кто «где»? Мо Линь, неужели ты все еще дуешься на меня?

Голос раздался прямо из-за поворота галереи. Воистину, помяни черта, он и появится! Ань Цзыянь и сам не ожидал, что его шутка в мгновение ока претворится в реальность.

— Приветствую Его Высочество наследника, — почтительно поклонился возникший как из-под земли Чжао Цянь.

Юноша растерянно моргнул, напрочь позабыв сделать знак подняться, однако гвардеец, не дожидаясь формального позволения, преспокойно выпрямился сам.

— Я же ясно сказал: видеть тебя не желаю ближайшие пару дней! — сердито вспыхнул Мо Линь, мгновенно позабыв о недавнем смущении. — Как у тебя только наглости хватает лезть мне на глаза?!

Ань Цзыянь, переводя взгляд с одного воина на другого, лишь тихо покачал головой и благоразумно попятился назад. Он рассудил, что влюбленным стоит выяснить отношения без лишних свидетелей. Ни распаленный обидой Мо Линь, ни пытающийся задобрить его Чжао Цянь даже не заметили, как их господин бесшумно покинул галерею.

Спустя несколько дней приготовления были окончательно завершены. Ань Цзыянь и Чоу Хуайшэн покинули столицу, отправляясь навстречу бескрайним просторам, древним горам и тихим рекам Поднебесной.

<http://bllate.org/book/18341/1865577>